

Д. Б. МЕЛЬЦЕР
Минск

Болгаро-советские отношения (январь — ноябрь 1935)

Пребывание у власти правительства К. Георгиева (19 мая 1934 — 21 января 1935) характеризовалось процессом нормализации взаимоотношений между Болгарией и Советским Союзом на основе признания принципов мирного сосуществования¹. После установления дипломатических отношений в июле 1934 г. наметились политические контакты в рамках Лиги наций. На правительственном уровне рассматривались вопросы торгово-экономических отношений. По предложению Наркоминдела СССР была достигнута договоренность о подписании соглашения об обмене почтовыми посылками. Доброжелательно встретила София намерения Советского Союза взять на себя строительство национальной радиовещательной станции в Болгарии. В Москве состоялся обмен мнениями о заключении торгового договора. Расширились научные и культурные связи. С ведома правительства К. Георгиева прогрессивные силы основали Болгаро-советское общество, которое за короткое время стало весьма популярным в стране.

Однако плодотворно начавшееся сотрудничество наталкивалось на сопротивление болгарских реакционных сил во главе с царем Борисом III. Заставив К. Георгиева в январе 1935 г. уйти в отставку, царский двор вопреки национальным интересам Болгарии вернулся к откровенно враждебной по отношению к Советскому Союзу политике.

После «бескровного переворота», как оценила британская печать² устранение от власти К. Георгиева, 22 января 1935 г. было сформировано дворцовое правительство во главе с генералом Пенчо Златевым. Чтобы создать видимость преемственности во внешней политике Болгарии, пост министра иностранных дел был оставлен за К. Батоловым, однако суть болгарской дипломатии в корне изменилась. Это прежде всего касалось отношений с Советским Союзом. Правящие круги сразу же недвусмысленно

---

¹ См.: Д. Б. Мельцер. Советско-болгарские отношения. 1917—1935 гг. Минск, 1975, с. 150—183.

² "The Times", 25. I. 1935.

продемонстрировали свое нежелание продолжать эффективное развитие болгаро-советских отношений.

Внешним признаком этого поворота явилась шумная антисоветская кампания в болгарской прессе. В газетах, близких к правительственным кругам, включая официоз «Ла Бюлгари», начали печататься клеветнические материалы, которые черпались из арсенала геббельсовской пропаганды. По этому поводу советский полпред в Софии был вынужден сделать 30 марта 1935 г. официальное представление болгарскому министерству иностранных дел³.

Правительство Златева выступило против экономических и культурных связей с Советским Союзом. Вопрос о заключении соглашения об обмене почтовыми посылками фактически оказался нерешенным.

Позиция нового болгарского правительства отчетливо проявилась при окончательном выборе проекта строительства национальной радиостанции в Софии. Как известно, советский проект был признан официальной комиссией самым совершенным с технической точки зрения и наиболее дешевым⁴. Наши представители учли пожелания членов комиссии и согласились уменьшить сумму расходов по строительству радиостанции еще на 440 тыс. левов «при условии равноправного положения с конкурентами», а также усовершенствовать отдельные объекты. Оплата должна была производиться в левах, что способствовало развитию экономических отношений между двумя государствами⁵. Однако по указанию МИД советский проект был отвергнут⁶. Дело в том, что из Берлина оказали давление на болгарское правительство. На Вильгельмштрассе не гнушались при этом ни подкупом членов комиссии, ни угрозами сократить вывоз из Болгарии сельскохозяйственных продуктов⁷. Руководитель экономического отдела германского МИД Риттер указал, что выбор проекта рассматривается в Берлине «как вопрос государственного престижа»⁸. По указанию правительства П. Златева была создана новая комиссия, которая вынесла решение в пользу немецкой фирмы «Телефункен»⁹.

Болгарский дипломат Н. Антонов вспоминает, что после отставки К. Георгиева началась ликвидация всего того, что было достигнуто в результате установления дипломатических отношений. «Русские, — пишет он, — предоставили во всех отношениях удовлетворительный проект (радиовещательной станции. — Д. М.), со всеми гарантиями хорошего выполнения и эксплуатации. Одна-

³ АВП СССР, ф. 74, оп. 14, д. 2, п. 3, л. 24.

⁴ ЦДИА, ф. 178, оп. 3, а. е. 121, л. 230, 231, 233.

⁵ ЦДИА, ф. 178, оп. 3, а. е. 120, л. 58, 59, 78.

⁶ ЦДИА, ф. 178, оп. 11, а. е. 1301, л. 95.

⁷ Ibid., а. е. 1239, л. 22, 23, 46.

⁸ Ibid., л. 11.

⁹ Ibid., л. 20. В Берлине не скрывали своего удовлетворения решением поручить строительство радиостанции фирме «Телефункен». Как сообщал в Софию болгарский посланник, это известие «произвело здесь хорошее впечатление». — ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 2693, л. 32.

ко было отдано предпочтение германскому проекту, хотя он был далеко не совершенен, и, как оказалось позже, после монтажа радиостанция долгое время не могла быть принята»¹⁰.

В марте 1935 г. в Софию для переговоров и подписания торгового договора прибыл уполномоченный Наркомвнешторга Н. М. Мигалинский. 23 марта он посетил премьер-министра П. Златева и министра экономики Ст. Мошанова, пытаясь выявить перспективы советско-болгарских торговых отношений. Болгарские государственные деятели разговаривали крайне неохотно, демонстративно уклоняясь от конкретных предложений¹¹. Позиция правительства по этому вопросу нашла отражение в выступлении председателя Софийской торгово-промышленной палаты Димитра Савова¹² на совместном заседании палаты и Болгаро-советского общества 16 апреля 1935 г. Он пытался убедить слушателей, что установление оживленной торговли между двумя государствами невозможно из-за «одинаковой экономической структуры» Болгарии и Советского Союза, производящих одни и те же сельскохозяйственные продукты, что Болгарии нечего вывозить в Советский Союз и, за исключением нефти и нефтепродуктов, нечего там покупать. «Преимущественно аграрный характер этой страны (Советского Союза. — Д. М.) является, бесспорно, препятствием для организации более значительного товарооборота», — таков был вывод Д. Савова, который разделяло и болгарское правительство¹³. Кстати, в вышедшей в 1937 г. в Софии книге экономиста К. Неделчева высказывалась та же мысль: причиной незначительной торговли с СССР является то, что Советская страна производит те же товары, которые экспортирует сама Болгария¹⁴.

Д. Савов и К. Неделчев намеренно игнорировали существенные перемены, происшедшие в Советском Союзе, который вышел на передовые рубежи мирового индустриального прогресса.

Переговоры, которые вел в Москве с заместителями народного комиссара иностранных дел СССР Н. Н. Крестинским и Б. С. Стомяновым, ответственными сотрудниками Наркомвнешторга СССР болгарский посланник Д. Михалчев, убедительно свидетельствовали о наличии реальных условий для успешного развития советско-болгарских экономических отношений. Судя по его донесению в болгарский МИД, Советский Союз мог бы закупать у Болгарии в значительном количестве табак, необработанную кожу, крупный рогатый скот и мясопродукты, шерсть, овощные

¹⁰ Н. Антонов. Десет години българо-съветски отношения в рамките на световните събития. Спомени, с. 54 (рукопись воспоминаний Н. Антонова хранится в Институте внешней политики).

¹¹ «Зора», 28.III.1935.

¹² В январе 1935 г. германский министр юстиции Франк вручил Д. Савову диплом почетного члена Германской юридической академии.

¹³ В. Хаджиниколов. Стопански отношения и връзки между България и Съветския Съюз до Девети септември (1917—1944 г.). София, 1956, с. 147—148.

¹⁴ К. Неделчев. Външната търговия на България. София, 1937, с. 142.

семена, виноградную лозу, розовое масло и т. д. В свою очередь, СССР готов был поставить Болгарии химические товары, чугуны, обыкновенное железо, антрацит, смазочные масла и бензин, пиломатериалы, сельскохозяйственные машины, швейные машины, грузовые автомобили, станки и другие товары¹⁵. Таким образом, попытка правящих кругов Болгарии прикрыть свое отрицательное отношение к торговле с Советским Союзом «теорией» однотипности экономической структуры обоих государств не выдерживала никакой критики.

Начали свертываться и болгаро-советские культурные контакты. Показ советских фильмов фактически был запрещен. Полицейские власти усилили гонения на сторонников сохранения дружественных связей с Советским Союзом, деятельность Болгаро-советского общества была значительно ограничена. Советский полпред в Софии информировал Наркоминдел СССР о постоянном сопротивлении болгарского правительства культурному сближению с Советской страной¹⁶. И хотя Д. Михалчев, не будучи в достаточной степени информирован о положении в Болгарии, в беседе с М. М. Литвиновым 10 марта 1935 г. пытался взять под защиту свое правительство¹⁷, факты убедительно свидетельствовали о нежелании официальной Болгарии поддерживать нормальные отношения с Советским Союзом¹⁸.

В апреле 1935 г. царь Борис заменил правительство генерала П. Златева новым из представителей своего окружения. Премьер-министром стал царедворец Андрей Тошев, министром иностранных дел Георгий Кыосеиванов, бывший начальник царской канцелярии¹⁹.

Перемены проявились в усилении реакционных тенденций во внешней политике страны. Правительство Тошева еще отчетливее демонстрировало, с одной стороны, свою враждебность к Советскому Союзу, с другой,— стремление к сближению с нацистской Германией и ее союзниками. Оно поддержало инициативу венгерского премьер-министра Дьюла Гембеша о создании союза Придунайских государств. В беседе с корреспондентом будапештской газеты «Уйшаг» министр иностранных дел Болгарии заявил, что его страна с большим интересом следит за планами организации этого союза и стремится к сотрудничеству с Венгрией, тем более, что мирные договоры создали печальную общность судеб обеих наций²⁰.

Оживились отношения Болгарии с Польшей. Их связывал откровенный антисоветизм и негативное отношение к усилиям Советского Союза по созданию системы коллективной безопасности.

¹⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 130.

¹⁶ ДВП, т. 18. М., 1973, с. 647, прим. 161.

¹⁷ Там же, с. 626, прим. 77.

¹⁸ Там же, № 113, с. 181.

¹⁹ «Правда», 1935, 22 апреля.

²⁰ «Правда», 1935, 12 марта.

Пилсудчики пытались организовать антисоветский блок малых европейских стран во главе с Польшей, включая и Болгарию²¹. С большой заинтересованностью встречали в мае 1935 г. в Варшаве болгарского министра просвещения Тодора Радева и полковника В. Найденова. В июле министр просвещения Польши Вацлав Енджеевич нанес ответный визит в Софию, где была подписана болгаро-польская конвенция о культурном сотрудничестве²².

Необыкновенно помпезный характер носила встреча в Болгарии инспектора польской армии генерала Г. Орлича-Дрешера и сопровождавших его генералов и офицеров, прибывших в августе 1935 г. на торжественное открытие памятника польскому королю Владиславу Варненчику²³.

В Софии активизировалась деятельность Болгаро-польского общества, возглавляемого А. Тошевым. Как сообщал польский посланник в Болгарии А. Тарновский в докладе своему МИД, в развитии польско-болгарских связей не существует никаких трудностей. Отношения между странами характеризуются взаимным доверием и симпатией²⁴. О необходимости укреплять польско-болгарскую дружбу говорил и Г. Кьосеиванов²⁵.

Вынашивая идеи «мирной» ревизии Нейиского договора, царская камарилья связывала их осуществление с поддержкой нацистской Германии, открыто выступавшей за ликвидацию Версальской системы. В свою очередь в Берлине были озабочены тем, чтобы подписанные в мае 1935 г. советско-французский и советско-чехословацкий пакты о взаимной помощи не получили поддержки в странах Юго-Восточной Европы. В экспансионистских планах на Балканах Болгария, занимавшая центральное положение в этом регионе, представляла для Германии первостепенное значение. Как черноморское государство она являлась важным плацдармом для нападения на Советский Союз. Недовольство правящих кругов Болгарии существовавшим положением на Балканах, установленным в Нейи, облегчало задачу вождей третьего рейха.

В конце мая 1935 г. германский министр авиации Герман Геринг под предлогом «свадебного путешествия» посетил болгарскую столицу. В Софии ему была устроена пышная встреча. Правительственная печать приветствовала именитого гостя из нацистской Германии — страны, «служащей опорой маленьких побежденных народов»²⁶.

²¹ В. Бальцерак. Польша и политика великих держав по отношению к государствам Центральной и Юго-Восточной Европы (1932—1939).— "Studia Balkanica", 1973, N 7, p. 307.

²² История на България, т. 3. София, 1964, с. 304.

²³ Б. Бошкович. Балканы и международный империализм. М., 1936, с. 106.

²⁴ См.: Е. Дамьянова. Польша, България и междубалканските отношения (1930—1939 гг.).— «Исторически преглед», 1974, N 6, с. 27.

²⁵ См.: В. Бальцерак. Польша и политика..., с. 305.

²⁶ «Дневник», 1935, 1 юни.

Рейхсмаршал был принят царем Борисом III, который награждал его высшим болгарским орденом — специально изготовленной звездой с бриллиантами. Он вел переговоры с премьер-министром А. Тошевым, министром иностранных дел Г. Кыосеивановым, военным министром генералом Цаневым. Герингу без особого труда удалось убедить болгарских государственных деятелей в необходимости объединиться в борьбе против Советского Союза. Он пообещал незамедлительно поставить самолеты и другое вооружение в счет долгосрочного кредита²⁷. По свидетельству тогдашнего командующего военно-воздушными силами Болгарии генерала В. Бойдева, Геринг выполнил обещание:²⁸ в феврале 1936 г. ко дню рождения царя Бориса из Германии прибыли 35 самолетов²⁹.

Правящие круги пытались представить дело таким образом, что переговоры с Герингом носили экономический характер. Однако этому не верили не только за рубежом, но и в Болгарии. Было ясно, что главная цель вояжа гитлеровского министра — вовлечь Болгарию в орбиту германской политики. «Нам не хочется верить, что в этих обвинениях имеется что-либо основательное, — с тревогой писала влиятельная газета «Мир», — в таком случае *нужно полагать, что болгары еще раз потеряли свой рассудок и на этот раз окончательно*»³⁰.

По инициативе Софийской коммунистической организации в столице 26 мая в день приезда Геринга состоялась массовая антифашистская демонстрация трудящихся, протестовавших против визита видного германского нациста³¹. Коммунистическая партия убедительно показала, что визит носил политический характер. «Болгарский фашизм и германский гитлеризм, — писал секретарь ЦК БКП Трайчо Костов в подпольной газете «Работнически вестник» 1 августа 1935 г., — вели разговоры не только экономического и торгового характера, но и политического, более того — военно-политического. Если иметь в виду роль Германии в подготовке антисоветской войны и, учитывая стратегическое положение Болгарии в случае нападения на СССР, можно понять и значение, и роль, которую она играет в антисоветском блоке»³².

В Софии сознавали, что визит Геринга должен вызвать соответствующую реакцию Советского правительства. МИД поручил Д. Михалчеву проинформировать народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова и заверить его в том, что этот визит не имел никакого политического значения и никаких обещаний от болгарского правительства Геринг не добился. Как свидетельст-

²⁷ «Известия», 1935, 28, 30 мая.

²⁸ В апреле 1935 г. болгарское правительство через своего посланника в Берлине обратилось с просьбой поставить самолеты. Однако тогда ответ был отрицательным. — См.: DGFP, ser. C, vol. 4, N 14, p. 17; № 48, p. 83, 84.

²⁹ В. Бойдев. Встречи с прошлым. — «Огни Болгарии», 1974, № 4, с. 21.

³⁰ «Мир», 3.IV.1935.

³¹ «Правда», 1935, 28 мая; Революционна София. Спомени. 1891—1944. София, 1969, с. 382.

³² Трайчо Костов. Избрани статии, доклади, речи. София, 1964, с. 42.

зует запись, сделанная советским наркомом о беседе, состоявшейся 28 июня 1935 г., Михалчев старался убедить его в невозможности болгаро-германского союза, ссылаясь на то, что «слишком живы еще в Болгарии воспоминания о 13, 14 и 19-м гг., когда сотрудничество с Германией ничего, кроме несчастья, Болгарии не принесло. Заинтересованность Германии в ревизионизме, естественно, приятна Болгарии, но из этого никаких выводов Болгария не делает»³³. Отвечая на вопрос Михалчева об отношении Советского Союза к Болгарии, Литвинов заявил, что изменений не произошло. «Мы не имеем никаких особых интересов ни в Болгарии, ни в других странах Балкан, мы ничего от них не добиваемся, и наше отношение к другим странам определяется исключительно вопросом об отношении этих стран к вопросу о мире или войне, а потому нас особенно интересует отношение этих стран к Германии»³⁴.

Однако Литвинов обратил внимание посланника на продолжающиеся антисоветские акции, в частности на «борьбу болгарских властей с симпатиями населения к СССР»³⁵.

Тем временем реакция продолжала раздувать антисоветскую истерию. В фашистской печати стали раздаваться даже призывы к вооруженному свержению Советского правительства³⁶. При участии властей имели место акты насилия над сотрудниками советского посольства (2 июня 1935 г. был избит Васильев, 17 июня — оскорблен Морозов)³⁷.

Активизировалась деятельность белогвардейских эмигрантских организаций, в частности национального союза нового поколения³⁸. Поощряемый правительством в Софии продолжал функционировать комитет по делам беженцев, самозванно присвоивший себе консульские обязанности. Если это было в какой-то мере оправдано до установления дипломатических отношений, то после открытия Полномочного представительства СССР в Болгарии³⁹ все дела русских граждан, в том числе вопросы репатриации, входили только в его компетенцию⁴⁰. Советский полпред 4 и 24 июня 1935 г. направил вербальные ноты болгарскому правительству, в которых обращалось внимание на враждебную антисоветскую деятельность белогвардейских групп в стране⁴¹. В ноте от 24 июня выдвигалось требование лишить комитет права выполнять консульские функции⁴².

³³ ДВП СССР, т. 18, № 293, с. 423—424.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 424.

³⁶ АВП СССР, ф. 74, оп. 14, д. 2, п. 3, л. 6—7.

³⁷ Там же, л. 6—9.

³⁸ ДВП СССР, т. 18, № 113, л. 181.

³⁹ Официальное открытие Полномочного представительства СССР в Болгарии состоялось 15 апреля 1935 г.

⁴⁰ АВП СССР, ф. 74, оп. 14, д. 2, п. 3, л. 7.

⁴¹ Там же, л. 6—7; Внешняя политика СССР, т. 4. (1935 — июнь 1941). М., 1946, с. 43.

⁴² АВП СССР, ф. 74, оп. 14, д. 2, п. 3, л. 7.

Болгарские монархо-фашистские круги, руководствуясь политическими мотивами, всемерно препятствовали экономическим связям с СССР. Даже оформление соглашения об обмене почтовыми посылками, договоренность о котором была еще при правительстве К. Георгиева, затянулось на долгие месяцы. Только в результате настойчивых усилий Советского правительства София согласилась продолжить переговоры и в конце июня 1935 г. одобрила проект соглашения⁴³. Церемония его подписания состоялась в Москве 10 июля⁴⁴. Народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов заявил при этом, что Советский Союз желает дальнейшего улучшения и укрепления отношений с Болгарией. «В будущем,— сказал Литвинов,— вслед за этим первым актом, мы будем иметь случай подписать и другие документы, более значительные, чем тот, который мы подписали сегодня»⁴⁵.

Несмотря на враждебные выпады болгарского правительства, Советское государство готово было искать пути к взаимопониманию. Однако в Софии реакционные правящие круги не разделяли эту точку зрения.

Развитие советско-болгарской торговли не соответствовало ожиданиям, которые деловые круги связывали с установлением дипломатических отношений. Товарооборот между двумя странами все больше сокращался. В 1935 г. экспорт советских товаров составил 247 тыс. руб., а импорт из Болгарии — только 28 тыс.⁴⁶ Торговые сделки продолжали носить спорадический характер. Так, летом 1935 г. Болгарией были закуплены автомобильные шасси. Они получили высокую оценку специалистов, отметивших, что советская продукция прочнее и дешевле американской⁴⁷. В свою очередь, Советский Союз через болгарский сельскохозяйственный банк закупил розовое масло для нашей парфюмерной промышленности⁴⁸. Министр иностранных дел Г. Кыосеиванов в докладной записке премьер-министру от 21 июня 1935 г. о состоянии болгаро-советской торговли признавал, что советские товары, как правило, ввозятся через вторые и третьи руки, главным образом, через Константинополь⁴⁹.

Болгаро-советская торговая палата практически бездействовала. Намеченная ею на лето 1935 г. поездка представительной делегации в СССР оказалась сорванной⁵⁰.

Советское правительство с целью скорейшего установления равноправных взаимовыгодных торговых связей в качестве модус

⁴³ ЦДИА, ф. 284, оп. 1, а. е. 6205, л. 2. Документы внешней политики СССР, т. 18, № 293, с. 423.

⁴⁴ ЦДИА, ф. 284, оп. 2, а. е. 116, л. 2—8; ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 168—175.

⁴⁵ В. Хаджиников. Стопански отношения..., с. 138.

⁴⁶ Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960, с. 510, 514.

⁴⁷ «София», 5.VIII.1935.

⁴⁸ ЦДИА, ф. 374, оп. 1, а. е. 61, л. 3; «Заря», 22.XII.1935.

⁴⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 146.

⁵⁰ «Последна поща», 24.VI.1935.

вивенди предложило правительству А. Тошева заключить временное соглашение о товарообороте. В вербальной ноте полпредства в Софии болгарскому МИД от 20 июня излагался его проект, состоявший из пяти пунктов⁵¹. Это предложение, как заметил советский полпред, вызвано тем, что «заключение торгового договора — дело длительное»⁵².

Подобный подход широко применялся в международной практике. Например, временное торговое соглашение между СССР и Англией, подписанное 16 февраля 1934 г., заложило прочную базу для развития взаимной торговли на основе принципа наибольшего благоприятствования⁵³. Правительство А. Тошева, будучи вынужденным считаться со все увеличивавшимся стремлением деловых кругов к развитию торговли с Советским Союзом⁵⁴, 24 июня согласилось приступить к переговорам⁵⁵. Была создана межведомственная комиссия, которая занялась подготовкой соответствующих материалов. Ее члены, враждебно настроенные по отношению к СССР, ставили своей целью не столько облегчить условия предстоящих переговоров, сколько их затормозить. Именно по этой причине все их внимание было сосредоточено на опасных последствиях, которые якобы будет иметь для Болгарии создание советского торгового представительства. В противовес предельно четкому и лаконичному советскому проекту комиссией был подготовлен договор, состоявший из 23 статей и охватывавший не только вопросы торговых взаимоотношений, но и проблемы мореплавания, консульскую конвенцию⁵⁶.

Советско-болгарские переговоры начались только 11 июля 1935 г. СССР представляли полномочный представитель в Софии Ф. Ф. Раскольников и уполномоченный Наркомвнешторга СССР Н. М. Мигалинский. Болгарскую делегацию возглавлял начальник консульско-экономического отдела МИД Ив. Алтынов. Знакомясь с протоколами заседаний, снова убеждаешься в том, что болгарские партнеры на переговорах с самого начала стремились не к достижению соглашения, а к их срыву.

На первом же заседании болгарские представители, руководствуясь рекомендацией межведомственной комиссии, отвергли советский проект временного торгового соглашения и в ультиматив-

⁵¹ АВП СССР, ф. 74, оп. 14, д. 2, п. 3, л. 12; ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 139—142.

⁵² «Заря», 31.V.1935.

⁵³ В. И. Попов. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.). М., 1965, с. 130—131.

⁵⁴ В июне 1935 г. дирекция табачной монополии через болгарское посольство в Москве сделала запрос у советских внешнеторговых организаций: есть ли возможность везти из Болгарии в СССР необработанный табак и папиросы. — См.: АВП СССР, ф. 74, оп. 14, д. 1, п. 3, л. 159; Руководители кооператива «Вперед» несколько ранее высказали желание закупить ряд советских товаров: каменную соль, медный купорос, каустическую соду, нафталин и другие товары. — См.: АВП СССР, ф. 74, оп. 17, д. 12, п. 7, л. 5.

⁵⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 148; ф. 284, оп. 1, а. е. 6216, л. 1—2.

⁵⁶ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 133—138.

тивной форме потребовали принять свой контрпроект. Отвергая предложение положить в основу взаимных расчетов между двумя странами болгарский лев (за исключением расчетов при продаже нефти и зерна), он предусматривал свободно обращаемую валюту. Вместо свободы в отношении выбора при товарных сделках, предлагаемой в советском проекте, Болгария настаивала на предварительном определении списка товаров.

Ориентируемый на срыв переговоров болгарский проект содержал ряд положений, цель которых, по словам главы болгарской делегации Ив. Алтынова, сводилась к тому, чтобы устранить возможность коммунистической пропаганды со стороны Советского торгового представительства. Болгарский дипломат Н. Антонов по этому поводу заметил, что учреждение торгпредства СССР в Софии рассматривалось царским дворцом и кабинетом как некое «страшилище»⁵⁷.

Стремясь преодолеть разногласия, советская делегация проявила максимум выдержки, постоянно демонстрируя желание найти приемлемые для обеих сторон решения. Она согласилась с целым рядом требований, выдвинутых болгарской стороной. Успешно, например, завершились переговоры по выработке списка товаров для будущих торговых сделок. Ив. Алтынов подтвердил, что перечень советских товаров удовлетворил болгарскую сторону⁵⁸. Как видим, достигнутая договоренность полностью опровергала утверждения реакционных кругов о бесперспективности советско-болгарской торговли. Однако не все препятствия удалось преодолеть. Серьезные расхождения возникли по вопросу о статусе советского торгового представительства. Болгарская делегация заявила, что торгпредство должно находиться под постоянным полицейским контролем. Естественно, подобное унижительное для советской стороны предложение было отвергнуто. И все же снова наша делегация пошла на компромиссное решение, предложив следующую формулировку: «Торговые представители и их глава пользуются дипломатической неприкосновенностью, но их деятельность находится под действием болгарских законов»⁵⁹.

Но это не помогло. 25 июля министр иностранных дел Г. Кыосеиванов пригласил к себе Ив. Алтынова и отдал распоряжение не отступать от предложенного болгарского проекта, даже если это будет угрожать срывом переговоров⁶⁰.

В результате переговоры, длившиеся более месяца, зашли в тупик и 16 августа были прерваны⁶¹. В докладной записке Кыосеиванову от 30 августа об итогах переговоров Ив. Алтынов пытался переложить ответственность на советских представителей. Их

⁵⁷ Н. Антонов. Десет години българо-съветски отношения в рамките на световните събития, с. 54.

⁵⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 86 об.

⁵⁹ В. Хаджиниколов. Стопански отношения..., с. 158.

⁶⁰ Там же, с. 159.

⁶¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 115; «Заря», 17.VIII.1935.

главная цель, по словам Алтынова, «состояла не в налаживании торговых связей, которые в ходе переговоров отходили на второй план. На деле прикрываясь временным торговым соглашением Советский Союз стремился усилить свое политическое воздействие в Болгарии и расширить здесь коммунистическую пропаганду»⁶².

Внезапное прекращение переговоров вызвало недоумение в среде болгарской общественности. Вот почему по инициативе министерства иностранных дел в правой печати появились статьи в защиту правительства. Они полностью извращали картину переговоров, прерванных якобы из-за неуступчивости советской делегации. Именно в таком духе была опубликована статья К. Купенкова «Почему приостановлены советско-болгарские отношения» в газете «Зора». «Болгарское правительство,— писал он,— употребило достаточно усилий в поисках возможности продолжать переговоры. И тогда последовал отказ советских представителей завершить их»⁶³.

Советское представительство в Софии вынуждено было выступить со специальным разъяснением подлинных причин срыва переговоров. В нем подчеркивалось, что советская делегация делала все, чтобы заключить торговое соглашение. Она шла на предоставление болгарским деловым кругам права наибольшего благоприятствования⁶⁴.

Правительство Советского Союза не отказалось и в дальнейшем от нормализации экономических отношений с Болгарией. Об этом многократно заявляли ответственные сотрудники НКВД и НКВТ при встречах с болгарским посланником Д. Михалчевым⁶⁵. Советское правительство готово было начать переговоры об организации телефонной и телеграфной связи, прямого почтового сообщения между двумя странами⁶⁶. 22 декабря 1935 г. болгарская печать опубликовала заявление советского полпреда о готовности возобновить переговоры, «когда болгарское правительство пожелает»⁶⁷.

Правительство Советского Союза предпринимало одновременно большие усилия для дальнейшего развития культурных и научных контактов. 21 июня 1935 г. советский полпред Ф. Ф. Раскольников посетил министра иностранных дел Г. Кьосеянова и министра просвещения генерала Т. Радева и по поручению Совнаркома СССР передал им предложение о заключении культурной конвенции⁶⁸. Министры дали понять Раскольникову, что никаких переговоров по этому вопросу Болгария вести не намерена. Реакционные круги всеми силами пытались свести к минимуму мас-

---

⁶² ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 87.

⁶³ «Зора», 13.IX.1935.

⁶⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 153.

⁶⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 11, а. е. 1301, л. 95, 154—156.

⁶⁶ «Утро», 22.XII.1935; «Заря», 22.XII.1935.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «Утро», 22.VI.1935.

штабы болгаро-советских культурных и научных связей. Однако это им не всегда удавалось. Интерес болгарской общественности к Советской стране, ее науке и культуре продолжал непрерывно расти. В адрес советского полпредства, Наркоминдела, Всесоюзного общества культурных связей с заграницей поступали многочисленные запросы от различных научных и учебных заведений, государственных и общественных организаций, редакций газет и журналов, отдельных представителей болгарской интеллигенции об установлении связей с родственными советскими учреждениями⁶⁹.

В 1935 г. 23 болгарские организации осуществляли книгообмен с советскими научными институтами, университетами и библиотеками. Софийская аграрная станция имела 18 корреспондентов в СССР, аграрный факультет Софийского университета — 52⁷⁰. И все же, как отмечалось в отчете ВОКСа, «состояние обмена нельзя считать удовлетворительным»⁷¹.

Другим каналом, по которому проникала советская книга и периодическая печать в Болгарию, являлось софийское издательство «Просвещение», возглавляемое С. Чукаловым. Оно установило непосредственные связи с советским внешнеторговым объединением «Международная книга». Только за первые несколько месяцев 1935 г. ему удалось продать советских книг почти 1000 долл., 107 человек согласились подписаться на советские периодические издания⁷².

Когда известный общественный деятель П. Стойчев высказал пожелание совместно с кооперативным банком открыть большой магазин советской книги, ВОКС поддержал эту идею и ответил ему: «Мы с радостью всегда и во всем охотно пойдем Вам на встречу в деле установления и развития культурных связей»⁷³.

Несмотря на усилившуюся цензуру в стране, прогрессивным деятелям удалось издать на болгарском языке ряд произведений М. Шолохова, Ф. Гладкова, В. Иванова, И. Эренбурга, А. Новикова-Прибоя, И. Бабеля, М. Зощенко и других советских писателей.

Болгарские власти были весьма обеспокоены прогрессивным влиянием советской культуры, ростом объективной информации о нашей стране, ее миролюбивой внешней политике, успехах в социалистическом строительстве. В одном из рапортов политической полиции указывалось, что газеты «Заря», «Ведрина», «Победа» печатают статьи в пользу СССР, а газета «Мир» помещает материалы из советских изданий. После того как были опубликованы впечатления Н. Балабанова о Советском Союзе, тираж

⁶⁹ АВП СССР, ф. 74, оп. 14, д. 1, п. 3, л. 57, 188; ЦГАОР, ф. 5283, оп. 1, д. 303, л. 153.

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 828, л. 23—25.

⁷¹ Там же, л. 23.

⁷² Съветската литература в България. 1918—1944, т. 2, с. 123—124.

⁷³ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 829, л. 19.

газеты «Утро» вырос на 7000 экземпляров⁷⁴. В другом рапорте с озабоченностью констатировалось, что только в октябре-ноябре 1935 г. в софийских газетах было помещено 44 статьи о СССР⁷⁵. Социальные, экономические и культурные достижения Страны Советов поражали рабочих, молодежь, интеллигенцию.

Большой резонанс вызвала поездка в Советский Союз видного болгарского ученого и общественного деятеля профессора Асена Златарова. Он участвовал в работе XV Международного конгресса физиологов, проходившего в Ленинграде в августе 1935 г.⁷⁶ Почти месяц он находился в нашей стране, знакомясь с ее жизнью, работой научных институтов Москвы, Ленинграда и Харькова. Златаров встречался со многими учеными, беседовал со студентами, учащимися. Покидая Советский Союз, он писал академику Н. С. Державину: «Увожу из Вашей великой страны глубокие и искренние переживания, которые сохраню на всю жизнь»⁷⁷.

Считая своим долгом открыто выступить против антисоветской клеветы, распространяемой реакцией, А. Златаров, вернувшись домой, прочел ряд лекций о СССР — «стране новой цивилизации и нового общественного строя»⁷⁸. Затем он обобщил свои впечатления в книге очерков «В стране Советов», вышедшей огромным для того времени тиражом в 20 тыс. экземпляров.

Книга Златарова вызвала острую полемику в печати. Университетские «коллеги» (проф. С. Младенов и др.), выражая официальную позицию, встретили книгу в штыки, обрушили на автора ряд оскорблений и обвинений. Прогрессивная интеллигенция приветствовала появление правдивой и яркой книги, которая, по словам писателя Антона Страшимирова, «пленяет ум и сердце» каждого читателя. «Книга Асена Златарова, — подчеркивал Г. Бакалов, — прекрасная и нужная...»⁷⁹.

В июне 1935 г. Советское правительство пригласило на работу профессора Софийского университета И. Странского, который в течение года преподавал и занимался научной деятельностью в Свердловском физико-техническом институте⁸⁰.

В это же время на Нижнетагильском заводе работал болгарский инженер Горбанов, изучавший опыт советских ученых и специалистов⁸¹.

---

⁷⁴ ЦДИА, ф. 370, оп. 4, а. е. 78, л. 3—11.

⁷⁵ Ibid., а. е. 77, л. 1.

⁷⁶ «Слово», 25.VII.1935; Недю Недев. Асен Златаров. София, 1970, с. 318.

⁷⁷ В. И. Злыднев. Асен Златаров и его общественно-культурная деятельность (к 75-летию со дня рождения). — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», 1961, кн. 32, с. 68.

⁷⁸ «Дневник», 1935, 21 декабря.

⁷⁹ ЦДИА, ф. 370, оп. 4, а. е. 104, л. 14—15; В. Злыднев. Асен Златаров и его общественно-культурная деятельность, с. 70.

⁸⁰ «Заря», 2.VI.1935; 4.XII.1935.

⁸¹ «Заря», 26.I.1937; «Утро», 2.IV.1937.

В течение ряда лет в Советском Союзе вели большую преподавательскую и исследовательскую работу такие видные болгарские ученые, как Тодор Павлов (Московский государственный университет) и профессор Дончо Костов (Институт генетики АН СССР). Столь идеальных условий для научной работы как в СССР, как говорил Костов корреспонденту газеты «Заря», он не видел ни в США, ни в Германии⁸².

Находясь в отпуске в Болгарии в конце 1935 — начале 1936 гг., Д. Костов выступил в Софийском университете и Болгарском сельскохозяйственном обществе с лекциями о достижениях советской науки. «На оба доклада,— писал советник советского полпредства М. В. Буравцев в ВОКС,— наплыв публики был настолько велик, что значительная часть лиц не смогла попасть в зал»⁸³.

В Советском Союзе с большим уважением относились к болгарским ученым, деятелям культуры, журналистам. Тодору Павлову, опубликовавшему исследование «Теория отражения», была присвоена ученая степень доктора философских наук⁸⁴.

О том, с какой любовью советские люди относились к болгарскому искусству, свидетельствовали гастроль в апреле — мае 1935 г. знаменитой певицы, профессора Софийской музыкальной академии Христины Морфовой и пианистки Людмилы Прокоповой⁸⁵. Они предприняли концертную поездку в Советский Союз на свой риск после выступления в Чехословакии⁸⁶.

С большим успехом прошли концерты болгарских артистов в Москве и Ленинграде. Председатель ВОКСа А. Я. Аросев в телеграмме на их имя писал: «Чрезвычайно рад и благодарен Вам за удовольствие, доставленное нам Вашим искусством. В Вашем лице я приветствую пионеров культурного общения между Болгарией и СССР»⁸⁷.

За свою «дерзость» Х. Морфова была уволена из музыкальной академии⁸⁸.

Весной 1935 г. в течение трех недель познакомились с культурной жизнью Советской страны директор газеты «Планде» Георгий Вылков и художник Илия Бешков. Они так же, как и болгар-

---

⁸² «Заря», 4.XII.1935.

⁸³ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 828, л. 32.

⁸⁴ М. Манев. Виден деец на движението за българо-съветска дружба. — «Българо-съветска дружба», 1960, N 2, с. 10.

⁸⁵ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 825, л. 8, 9.

⁸⁶ Болгарский посланник в Москве Д. Михалчев в письме в ВОКС 21 марта 1935 г. сообщал, что «две действительно талантливые с высокой музыкальной культурой болгарки будут иметь отличную возможность увидеть непосредственно Ваши огромные достижения в области драматического и оперного искусства, где СССР на сегодняшний день не имеет конкурентов». — ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 825, л. 9.

⁸⁷ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 827, л. 13.

⁸⁸ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 6, д. 827, л. 16; «Правда», 1935, 12 июня.

ские артисты, получили визу в Праге, опасаясь, что болгарские власти не разрешат им поездку в СССР⁸⁹.

Расширение культурных и научных связей могло способствовать улучшению отношений между обеими странами. Народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов в беседе с болгарским посланником заметил, что если есть недоверие у одной или другой стороны, то побороть его можно постепенным сближением на культурной почве. «Наш полпред,— заявил Литвинов,— прилагает все усилия к осуществлению такого сближения, но к сожалению, не встречает достаточного отклика с болгарской стороны»⁹⁰.

Правительства П. Златева и А. Тошева вошли в историю Болгарии как переходные на пути к установлению открытой монархо-фашистской диктатуры. Они явились переходными и в болгаро-советских отношениях. Полностью отказавшись от принципов мирного сосуществования, которых придерживалось правительство К. Георгиева, они заняли позиции оголтелого антисоветизма.

---

⁸⁹ ЦГАОР, ф. 5283, оп. 1, д. 298, л. 4; оп. 6, д. 824, л. 16; В. Хаджиниколов. Революционните процеси в България и втората родина на Георги Димитров. — «Летопис на дружбата», т. 1, с. 144.

⁹⁰ ДВП СССР, т. 19. М., 1974, № 127, с. 225.